

**Конфликты и политика репрезентаций «исторических территорий»
в учебниках по истории в странах Южного Кавказа**

Резюме

В статье анализируются практики репрезентаций, так называемых, «исторических» или «этнических территорий» в учебниках по истории для средних школ в странах Южного Кавказа. Автор исходит из перспективы, что все версии «исторических территорий» представленные в учебниках содержат идею линейного, непрерывного с древнейших времен и до наших дней «этногенеза» того или иного воображаемого сообщества в практически неизменных границах. «Исторические территории», в рамки которых помещаются этносы / нации описываются как пространства, границы которых становятся «естественными» рубежами для тех или иных национальных сообществ. Карта «исторической родины» в этом контексте представляет собой простую и легкую для запоминания визуальную версию подобных конструкторов. Авторы учебников активно используют карты «исторических территорий» для обоснования идей об автохтонных правах «своих этносов» на «их исторические территории». Идея преимущественного права того или иного национального сообщества на какую-либо территорию, которая воображается в максимально широких границах, актуализируются в контексте, так называемых, этнических конфликтов. Статья основана, прежде всего, на анализе учебников по истории Азербайджана, которые были разработаны в республике в советский и постсоветский периоды. Вместе с тем, автор основывает свои выводы и на сравнительном анализе учебников разработанных в Азербайджане, с учебными текстами, которые создавались в Армении и Грузии.

«Сон и явь у него перемешались.

Он спит и видит эту дурацкую землю предков,

хотя мы там никогда и не были...».

Салман Рушди, «Стыд».

В 1990-х годах историки в республиках Южного Кавказа стали выпускать первые постсоветские версии учебников по истории. Учебники разрабатывались в ситуации, когда в регионе произошли ряд, так называемых, межэтнических конфликтов, которые были вызваны попытками реализовать на практике главный политический принцип национализма, состоящий, по словам Геллнера, в том, что «политическая и национальная единицы должны совпадать» (Геллнер 1991: 23). Однако, эти «национальные единицы» конструируются историками трех признанных республик Южного Кавказа в заметном противоречии друг к другу. Идеальные версии «исторических» или «этнических территорий» описывают периоды наивысшего, по мнению современных авторов, «успеха» того или иного воображаемого сообщества. В результате «исторические территории» рассматриваются в границах гораздо более широких, чем современные политические границы республик Азербайджан, Армения или Грузия.

Эти версии «великих родин» конструируемые специалистами, как правило, описываются как естественные пространства линейного, максимально длительного и непрерывного во времени развития («этногенеза») сообществ азербайджанцев, армян или грузин. Этот, практически, непрерывный с незапамятных времен «этногенез» того или иного сообщества ныне претендующего на статус государство образующего, помещается в рамки политических / национальных границ, которые в эссенциалистском духе описываются как «естественные» или «исторические границы». Социальные процессы (специфика разного

расселения в разные периоды, миграции, войны, случай и пр.) в ходе которых образовывались политические границы того или иного государства¹ подменяются идеями автохтонного, «естественного», примордиального права того или иного сообщества на определенную территорию. Эти права описываются как эксклюзивные, принадлежащие только некоторым, доминирующим этническим группам, а иногда также тем группам, которые считаются им лояльными. Все остальные становятся «гостями» или «пришельцами», которые «захватили наши исторические территории».

В контексте данных этно-исторических конструкторов современная авторам политическая карта региона представляется «несправедливой». При этом было бы преувеличением считать, что карты или логотипы, так называемых, «исторических территорий» всегда становятся источниками конфликтов. Эти визуальные образы нередко только обслуживают конфликты (как, например, в случае с Азербайджанскими учебниками), и в этом смысле они часто и «становятся политической силой» (Harley 2001: 54).

Карты «исторических территорий» были в той или иной форме сконструированы для разных этнических групп Южного Кавказа в разные периоды. Иногда задолго до начала эпохи национализма. Однако, здесь важны не длительность существования того или иного логотипа, а интерпретация событий, визуальным воплощением которых становятся карты. Так, например, еще с момента издания первых учебников по истории в годы СССР это были, как правило, версии историй государств, которые, однажды образовавшись, становились практически неизменными во времени. Утраты государственности и независимости, которые не раз случались в разных исторических ситуациях и контекстах, игнорируются или рассматриваются только как временные явления, нарушавшие естественное течение истории. Во многом этот подход вызван тем, что история той или иной страны и нации конструируется из перспективы существования современного национального государства. В результате, это практически во все времена история Армении, Азербайджана или Грузии, в том числе и в ситуации утраты государственности и, например, вхождения в состав той или иной империи.

Все версии «исторических территорий» азербайджанская, армянская или грузинская, являются демонстрациями идей приватизации, иногда большей части того политического и географического пространства, которое ныне занимают соседи. В числе соседей не только республики Южного Кавказа, но и нынешние Иран, Турция или Россия. Однако, было бы преувеличением называть эту сложную ситуацию «картографической войной». Иногда речь идет скорее об игнорировании вариантов историй друг друга (как в случае с Азербайджаном и Грузией), а иногда о конструировании контр-версий (как в случае с Азербайджаном и Арменией). При этом, на мой взгляд, во всех версиях государственных / национальных историй² территория описывается в духе, по словам К. Вигена (K. Wigen) «картографической импровизации», когда историки каждой из республик чувствуют определенную свободу в своих интерпретациях политических границ.

Степень актуальности идеи «исторической территории» и древней государственности можно объяснить с помощью тезиса выдвигаемого Эриком Хобсбаумом. «Вполне очевидно, - пишет он, - сколь привлекательной – ввиду потенциального воздействия на массы – может быть традиция государственности для современного национализма, цель которого – становление нации в форме территориального государства. Это заставляло некоторые из национальных движений выходить далеко за пределы реальной исторической памяти своих народов, дабы отыскать в прошлом подходящее (и подходящим образом внушительное)

---

¹ О специфике институционализации наций в СССР и о границах национальных республик, сконструированных в советский период на Южном Кавказе, см.: (Мартин 2002: 75-76); (Баберовски 2006: 182-186); (Suny 1993: 97-106).

² Мне представляется возможным рассматривать в данной статье как синонимы понятия государственная или национальная истории. Практически, все версии, представленные в учебниках, исходят из перспективы утвержденной еще в годы СССР авторитетом Сталина, что без территории нет нации. В результате история национального сообщества становится одновременно и рассказом о «нашей» стране.

национальное государство. Так обстояло дело с армянами, которые после первого века до н. э. не имели сколько-нибудь крупного государства и с хорватами, чьи националисты видели в себе (без особых оснований) наследников «хорватской политической нации» (Хобсбаум 1998: 121-122).

Так же, на мой взгляд, обстоит дело с азербайджанской и грузинской версиями историй, которые представлены в постсоветских учебниках. И здесь можно только согласиться с Виген в том, что «Ничто не может быть удовлетворительно изучено в рамках границ единственного государства» (Wigen 2005: 211). Так, ситуация конструирования визуальных образов «исторических территорий» и их место в постсоветских учебниках может быть лучше понята в контексте сравнительного анализа. Однако, автору статьи в гораздо большей степени знакомо положение дел в данной сфере в Азербайджане, чем в Грузии или Армении. Поэтому в основном в статье будет рассматриваться процесс того, как логотип «исторической территории» нашел свое место в учебниках по истории Азербайджана. Однако, вместе с тем, определенное знакомство с рядом учебников по истории Грузии или Армении позволяют провести и некоторые сравнения. В свете же сравнительного анализа ситуация в Азербайджане представляет особый интерес. Важная специфика ее заключается в том, что отличие от грузинской и, тем более, армянской версии логотипа «исторических территорий», азербайджанский вариант был сконструирован гораздо позже³.

В своем анализе я буду исходить, с одной стороны, из перспективы того, что «Нигде карта не становится в большей степени национальным символом, чем в спорах за территории» (Monmonier 1996: 90). Но, вместе с тем, с другой стороны, не следует забывать, что эти споры не всегда и не обязательно перерастают в конфликты. Так, например, в случае с учебниками истории в Азербайджане и Грузии карты, по выражению Харлея, «истинных национальных территорий» (“true national territories”) занимают важное место. Эти визуальные образы репрезентируют картографический дискурс о «спорных территориях». В том числе и в отношениях между Азербайджаном и Грузией. Однако обе республики ныне состоят в союзнических отношениях. Для двух республик актуальны проблемы сепаратизма, но в настоящий момент не в отношениях друг с другом. Пока эти карты скорее дань «нашему» «блестящему» историческому прошлому. Однако, учитывая то, что «Всякое историческое знание в конечном итоге зависит от его социальных целей» (Томпсон 2003: 13), можно предполагать, что элементы территориальных претензий ко всем, без исключения соседям, которые содержатся в этих картах могут быть легко актуализированы в будущем. В случае если такая необходимость возникнет, как это произошло в конце 1980-х годов в отношениях между Азербайджаном и Арменией.

Что касается степени влияния подобных логотипов «исторических территорий» на представления учеников средних школ, то здесь важен тот аспект, что в школьных учебниках рассказ и его визуальное воплощение, т. е. карта «исторической родины», предстают как вариант догмы. Здесь нет места какой-либо дискуссии, малейшему сомнению или обсуждению преимуществ той или иной модели легитимации версии «наших земель». Это, хоть и в разной степени, но все же жесткая объяснительная концепция, репрезентирующая идеальную модель исторического прошлого, истинность которого была

---

³ Следует отметить, что «Азербайджанская традиция исторического письма является сравнительно молодой. <> первые основательные исторические произведения на азербайджанском языке начинают появляться в 18 веке, но подавляющее большинство исторических произведений, посвященных Азербайджану, написанных азербайджанскими авторами датируется 19 веком. Эти исторические повествования, написанные на азербайджанском, фарси либо русском языке, описывают историю правления отдельных властителей, отдельных ханств Азербайджана» (Карагезов 2005: 148). «Основоположником азербайджанской научной историографии» знаменитый в республике академик историк Зия Буниятов, называл Абас-Кули-ага Бакиханова (1794-1846). Его труд, озаглавленный как «Гюллюстан-и-Ирам», был закончен им в 1841 году и, посвящался, впрочем, не истории Азербайджана, а «Ширвана и Дагестана» с древнейших времен до 1813 года. После этой работы ничего более масштабного, вплоть до советского периода написано не было.

доказана историками – профессионалами, и гарантом недискуссионности которого выступает власть номинации⁴. Это «власть» историков – профессионалов, которые, пройдя все необходимые процедуры бюрократической легитимации себя в позиции экспертов / специалистов по прошлому, приобрели право озвучивать «неоспоримые истины».

Политическая власть, контролирующая доступ к полю максимального распространения идеальной модели истории нации, делегирует эти полномочия только «проверенным» специалистам. Последние, особенно это заметно в Азербайджане, приобретают не только право на создание учебников, но также и монополию на их применение в школах⁵, а значит и единственно возможный вариант гарантии, что каждый будущий гражданин страны получит должное представление о «правильной» истории нации. Т. е. той версии истории, которая была подготовлена «проверенными» лояльными политическому режиму специалистами и утверждена чиновниками министерства образования.

При этом сами учебники становятся вполне вещным повседневным символом легитимности предлагаемой идеальной модели прошлого нации. Эти тексты привычно, с детства сопровождают процесс формирования «правильных граждан» страны. В правильности изложенного в учебнике истории не принято сомневаться, не только из простого «здравого смысла», но еще и в силу того, что система образования, по крайней мере, в Азербайджане⁶, на мой взгляд, в принципе не направлена на формирование человека думающего, расположенного к дискуссии, а значит и к сомнению. Все, что положено знать ученику уже содержится в учебнике. Все сомнения и дискуссии – это удел специалистов. Простым же школьникам, как будущим гражданам нужны не дискуссии, а правильное патриотическое воспитание, и кому, как ни признанным властями докторам наук и профессорам (*официальная номинация*) решать, каким ему быть. Патриотизм предполагает, в числе прочего, и не дискуссионное восприятие логотипа и сопровождающего его нарратива «идеальной родины», той за которую и погибнуть с оружием в руках всегда почетно и правильно.

«Территория, на которой живет азербайджанский народ»

Однако, в случае с Азербайджаном карта «исторической родины» долго не находила своего применения в учебниках. Нужно, конечно, понимать, что определенный корпус карт существовал, по крайней мере, с начала XX века. Так, например, в ходе распада СССР в Азербайджане стала популярной карта, разработанная еще в годы Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920 гг.). По версии авторов этой карты в состав Азербайджана должны были войти части территории нынешних соседних государств, прежде входивших в состав Российской Империи, но не Ирана. Естественно, что подобная карта не могла удовлетворить советскую историографию. Тем более что часть «древних территорий» азербайджанцев в годы советской власти историки стали располагать в Иране.

---

⁴Здесь я следую за Пьером Бурдые, который указывает на то, что одной из двух символических стратегий, «посредством которых агенты намереваются установить свое видение деления социального мира и свои позиции в этом мире» является «официальная номинация – акт символического внушения, который имеет для этого всю силу коллективного, силу консенсуса, здравого смысла, поскольку он совершен через доверенное лицо государства, обладателя монополии на легитимное символическое насилие» (стр. 72). Такими доверенными лицами в описываемом случае, прежде всего, становятся специалисты – историки обладающими учеными званиями и должностями в государственных учреждениях, работа которых направлена на конструирование «правильной» / «патриотической» (т. е. утвержденной государством) идеологии национального проекта. Подробнее см.: (Бурдые 1993: 72-80).

⁵И, нередко, поощряются должностями и званиями. Так, Ягуб Махмудлу, считающийся руководителем группы историков, реализующих проект реконструирования национальной истории и создания новых учебников для школ, становится директором института Истории Академии наук Азербайджана (АНА) и депутатом парламента (Милли Меджлиса).

⁶Возможно в Грузии ситуация несколько отличается.

Уже в 1930-х – 1940-х гг. предпринимались попытки создать полноценный учебник для средней школы по истории Азербайджанской ССР. Практически все попытки описания «исторических земель» азербайджанской нации в макетах учебников с этого момента, отсылали, с разной степенью конкретности, по большей части, к Ирану. Это, как правило, были весьма расплывчатые упоминания о территориях, как, например, в макете учебника «Истории Азербайджанской ССР» 1939-го года издания. «Азербайджан, - отмечают авторы, - занимает восточную часть Закавказья. Под Азербайджаном понимают и некоторую территорию к югу от реки Аракс, которая только в XIX в. стала подчиняться современному Иранскому государству. Эту территорию раньше именовали «Южным Азербайджаном» (История Азербайджанской ССР 1939: 6). Этот макет учебника содержит только одну карту, в самом общем виде обозначающую «Распространение арабских завоеваний и пункты наиболее крупных восстаний против халифата» (История Азербайджанской ССР 1939, 47).

Подобное размытое описание границ можно наблюдать и в несколько более позднем макете учебника 1941 года. В нем также указывается, что Азербайджан занимает восточную часть Закавказья и некоторую территорию к югу от реки Аракс, населенную азербайджанцами (История Азербайджана 1941, 6-7). Эти варианты описания «исторической родины» в период предшествующий Второй Мировой войне не сопровождались картами «исторического Азербайджана».

Позднее, уже после войны, случались попытки более конкретного обозначения «исторической родины»: «Территория, на которой живет азербайджанский народ, в начале XIX в. оказалась разделенной на две части. В северной части расположена Азербайджанская ССР, входит в Союз Советских Социалистических Республик. Она занимает 85,7 тыс. кв. км. Южная часть - Иранский Азербайджан - находится под властью Ирана. Территория Южного Азербайджана составляет около 200 тыс. кв. км» (История Азербайджана 1954: 5). Хотя карт макет учебника все так же не содержал, но ученику в неявной форме уже предлагалось сравнить масштабы территории Азербайджана, которая стала как бы независимой и той, которая осталась под властью «другой страны». Впоследствии масштаб «исторической территории» выраженный в конкретных цифрах станет важным сопровождением карт «исторических территорий». Несколько перефразируя Марка Монмоньера можно сказать, что территория, обозначенная не только на карте, но и в цифрах (что может быть точнее математики), просто не может не отражать реальность. Карт все еще нет в учебниках, но масштабы «утраченных» территорий уже можно легко вообразить. Кроме того, идея «утраты» территорий уже сопровождается попытками развить дискурс о разделенном народе. В постсоветский период подобные подходы в описании азербайджанцев, как «разделенного народа», а также способы воображения «исторических территорий» через количество квадратных километров, которые можно легко сравнить с современными территориями, будут широко применяться в учебниках⁷.

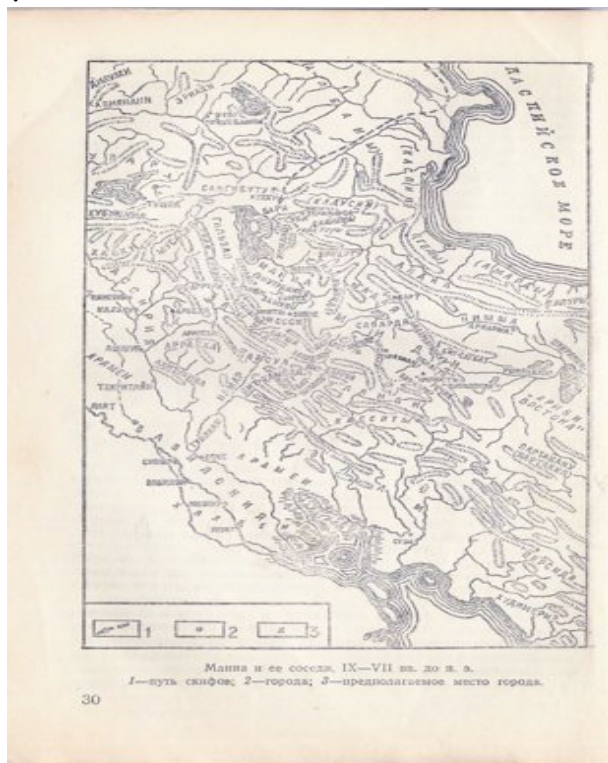
Однако, все эти версии так и не нашли своего применения и первый учебник был составлен на основании первого трехтомного фундаментального труда по истории Азербайджана, подготовленного специалистами института Истории Азербайджанской Академии наук. В предисловии к первому тому издания, который вместил в себя всю сконструированную к тому времени советскими специалистами историю Азербайджана с палеолита до включения в состав Российской империи, указывается, что карты будут приложены к 3 тому издания. Однако, третий том вышел без обещанных карт. Что же

---

⁷ Валерий Тишков обращаясь к теме «разделенных народов» в контексте исследования феномена диаспор отмечает, что слабость определения диаспоры только через миграцию состоит в том, что «оно исключает другой распространенный случай образования диаспоры – перемещение государственных границ, в результате чего культурно – родственное население, проживающее в одной стране, оказывается в двух или нескольких странах, никуда не перемещаясь в пространстве. Так создается ощущение реальности, имеющей политическую метафору «разделенного народа» как некой исторической аномалии. И хотя неразделенных народов история почти не знает <> эта метафора составляет один из важнейших компонентов идеологии этнонационализма, который исходит из утопического постулата, что этнические и государственные границы должны совпадать в пространстве» (Тишков 2003: 437)

касается первого тома, то карты, приведенные в нем, отражают, по сути, ситуацию, когда конструкт об исторических землях, где-то в районе озера Урмия (совр. Иран), фактически не имеют соответствующего визуального воплощения.

В учебнике были представлены только три карты. Это карта государства Манна и ее соседей в 9 – 7 вв. до н. э., т. е. часть территории, так называемого Южного (Иранского) Азербайджана, фактически единственная из сконструированных азербайджанскими историками к тому моменту. Территория «Западного и южного берега Каспия» на карте Клавдия Птолемея периода 2 в. н. э. и, наконец, «Восточного Закавказья и Каспийского моря», составленная по поручению Петра I (1720 г.). И это все, что смогли предложить авторы трехтомника в тот момент (История Азербайджана 1958: 30, 62, 300). Школьные учебники вплоть до конца 1980-х гг. в целом отражали эти подходы к описанию «исторической родины»⁸.

Т. е. карты «исторических земель» в учебниках так и не появились вплоть до распада СССР. Здесь трудно сказать что-то конкретное о том, почему этого не произошло, в условиях, когда «исторические территории», так или иначе, но описывались как более широкие по сравнению с теми, которые вошли в Азербайджанскую ССР. История писалась так, что не только территория «Южного Азербайджана» становилась частью «большой родины» этнических азербайджанцев, но и Дагестан описывался, как часть «исторической территории». Я бы предложил не искать в данном случае неких глубинных мотивов. В принципе, не было актуального заказа на производство карт в ситуации вхождения в состав единого пространства СССР. А в отличие от грузинского или армянского вариантов, эти карты еще необходимо было сконструировать. Кроме того, специалистов, готовых взяться за эту работу, было непросто мобилизовать, ведь даже над текстом трехтомника работа велась не без трудностей.

Первое учебное пособие по истории Азербайджана для средней школы⁹, в котором

⁸ Следует также отметить, что, по моим собственным наблюдениям, первый том трехтомного издания активно использовался многими учителями школы на уроках истории, по крайней мере, еще в конце 1990-х гг. Многие специалисты советской школы и ныне считают, что данный текст остается все еще лучшим сводным трудом по истории Азербайджана из всех созданных республиканскими специалистами.

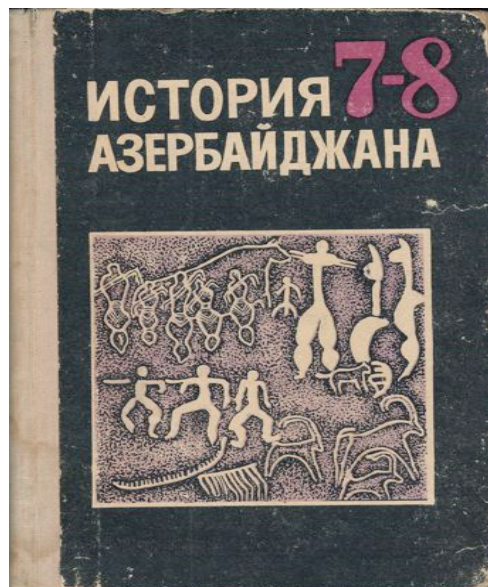
⁹ Именно это пособие было, наконец, принято для обучения предмету «История Азербайджана» в школах республики.

содержалось описание событий со времен палеолита до современных авторов дней, было опубликовано только в 1960 году. Это пособие как раз и было «составлено на основе текста и материалов трехтомной «Истории Азербайджана»» и подготовлено авторским коллективом в составе видных представителей Азербайджанской Академии наук академика А. С. Сумбатзаде, члена-корреспондента З. И. Ибрагимова и академика И. А. Гусейнова (История Азербайджана 1960: 2). Все они соответственно принимали участие и в составлении академического трехтомника. В результате, текст первого школьного учебника в полной мере отражал всю специфику текста трехтомника, на основе которого он и был составлен.

Как и в трехтомной версии национальной истории, всему периоду от «первобытнообщинного строя на территории Азербайджана» до присоединения к Российской империи уделяется абсолютное меньшинство информации – только 67 страниц. Весь остальной текст почти трехсот страничного учебника это уже история «прогрессивных преобразований» после присоединения к Российской империи, борьбы коммунистов с царским самодержавием, их победы и, наконец, рассказ о преобразованиях после советизации Азербайджана в 1920 году. Ни одной карты в учебнике не приводится. Весь же нарратив посвященный границам «исторической родины», который не сопровождается никакими визуальными образами, отсылает нас все к тому же «современному Южному Азербайджану» (т. е. совр. северо-западному Ирану), где, по мысли авторов, располагались «Древние государства на территории Азербайджана».

Предками современных азербайджанцев, как и в первом томе трехтомной истории Азербайджана, становятся племена кутиев, луллубеев и манней. Последние вначале I тысячелетия до н. э. основали государство Манну, которую в советские годы и было принято считать политическим образованием, от которого ведется древняя традиция азербайджанской государственности. «Наиболее древними из известных истории племенными объединениями на территории Азербайджана были кутии и луллубеи. В III-II тысячелетиях до н. э. луллубеи жили на юго-западе современного Южного Азербайджана и далее, к югу от него. К северу от них располагались кутии. Преемниками этих племен являлись манней, жившие в начале I тысячелетия до н. э. к югу и востоку от озера Урмия» (История Азербайджана 1960: 8). Как это следует из версии истории, изложенной и в трехтомнике, государство Албания, с которым ассоциируется современный (северный) Азербайджан, включало в себя и часть современного Дагестана. «Территория Азербайджана к северу от Куры и значительная часть Дагестана в древности называлась Албанией» (там же: 12). Таким образом, ученик средней школы только в самых общих чертах, без конкретного описания границ и масштабов территории получал представление о том, что «историческая родина» включала в себя часть современных Ирана и Российской Федерации. Визуальные образы – карты «исторической родины» - это знание не сопровождали.

Подобного рода нарративные модели «исторических территорий» не сопровождавшиеся картами оставались востребованными вплоть до коллапса СССР. Так, из учебника уже 1983-го года (последняя версия советских учебников) можно узнать, что «еще в древнейшие времена предки азербайджанского народа жили на территории от южных берегов озера Урмия на юге до Большого Кавказского хребта на севере. С востока эта территория омывалась Каспийским морем, а на западе доходила до пределов Армении и Грузии» (История Азербайджана 1983: 3). Следует отметить, что никаких карт, и этот, опубликованный на закате существования СССР, учебник не содержал. Ни одной карты не представлено и в учебнике для последних двух лет обучения в школе. Кроме того, в истории Азербайджана для 9-10 классов, которая охватывает период с 1900 до 1985 гг., ничего не говорится о событиях в «Южном Азербайджане». Это только история в границах современного Азербайджана. Никакой дискуссии об «исторических территориях» учебник не содержит (История Азербайджана 1986).

Последняя версия советского учебника по истории Азербайджана

Ситуация начала быстро изменяться, в ситуации распада СССР, сопровождавшегося Карабахским конфликтом. Так совпало, что как раз к моменту начала конфликта вышел коллективный труд ведущих специалистов тогда еще Азербайджанской ССР – «Историческая география Азербайджана». Этот труд репрезентировал контр-истину, уже в 1988 году призванную противостоять ставшему давно привычным в армянских учебниках конструкту неизменного в веках национального очага армянского народа - «Великой Армении»¹⁰. Позже, уже в первой половине 1990-х годов, т. е. в период становления независимого национального государства, эти новые варианты воображения «исторических территорий» азербайджанцев, некий вариант «Великого Азербайджана», быстро переключивались на страницы школьных учебников. Естественно, что по аналогии с предлагаемыми армянскими историками вариантами карт «исторических земель», азербайджанский вариант в полной мере отражает «стремление проецировать современные этнополитические границы как можно глубже в прошлое и, насколько возможно, максимально расширять территорию древнего расселения своей этнической группы, что также имеет отношение к борьбе за землю (миф о прародине)» (Шнирельман 2000: 22).

Так, уже из первых учебников для преподавания национальной истории в школах, созданных в период независимости, ученик средней школы узнает не только то, что «Азербайджан древняя страна. <> По Гюлистанскому (1813 г.) и Туркменчайскому (1828 г.) мирным договорам, заключенным между Россией и Ираном, территория Азербайджана была разделена на две части» (История Азербайджана 1997: 3). Но и то, что «Территория, где расположено озеро Гейча (Севан) [т. е. современная территория Армении, С. Р.], раньше входила в состав Азербайджана» (История Азербайджана 1997: 5). И далее авторы уже более подробно разъясняют, что «Тюркский народ Азербайджана, имеющий свою территорию, язык, политические образования, древнюю культуру, сложился уже в период раннего средневековья. Формирование этого народа в течение III- VIII вв. произошло на более обширной территории, чем ныне. Эта территория на севере начиналась в районе Дербента, на юге доходила до иранского региона, куда входили Зенджан, Газвин и Хамадан, на востоке

¹⁰ В этом сборнике представлены тексты всех ведущих специалистов по соответствующим периодам. В их числе, Ф. Мамедова «О некоторых вопросах исторической географии Албании в 1- 8 вв.», стр. 7 – 45; И. М. Велиханова «Изменения исторической географии Азербайджана в результате арабского завоевания», стр. 46 – 87; В. З. Пириев «Об исторической географии Азербайджана в 13 начале 15 вв. стр. 98 – 109 и др. В сборнике представлены также около 20 карт разных временных и политических периодов, которые, в целом, репрезентируют неизменность во времени границ «исторического Азербайджана», которые включают в себя уже и значительную часть современной Армении, части территорий Грузии и РФ, и, естественно, Ирана (Историческая география Азербайджана 1987).

была ограничена Каспийским морем, а на западе включала Тифлис, область Геокча, Иран и западное побережье Урмийского озера» (История Азербайджана 1997: 5)¹¹.

Таким образом, в контексте Карабахского конфликта претензии на границы «исторических территорий» приобрели максимальный характер. Азербайджанские историки уже претендуют на большую часть современной Армении, которая чаще всего обозначается как «Западный Азербайджан». На мой взгляд, это контр-версия «истинных национальных границ» сконструированная в противовес постоянно вызывающей раздражение у азербайджанских историков идеи «Великой Армении». Оба логотипа отражают претензии двух сторон на большую часть территорий друг друга. Впрочем, обе стороны с целью обоснования этих претензий отсылают к разным событиям. Армянская версия отсылает к событиям времен Тиграна Великого, а азербайджанская к периоду существования Иреванского ханства. При этом обе версии предполагают, что эти территории являются ареалами автохтонного проживания и тысячелетнего этногенеза представителей двух данных сообществ.

С этого же времени данные нарративы «исторических земель» уже сопровождаются картами все более напоминающими современный Азербайджан, только в весьма расширенных границах. «Ранние государства Азербайджана» переносятся гораздо дальше в глубь веков и, с этой целью, историки конструируют в первой половине III тысячелетия до н. э. «страну Аррату», как часть территории современного Ирана, или, по версии авторов учебников, практически неизменного в веках «Южного Азербайджана». Эту страну авторы уже населяют тюрками. Племенные объединения «Луллуби» или «Кути (Гути)» трансформируются в «государственные образования» и переносятся во вторую половину III тыс. до н. э.¹² Эти конструкты сопровождаются картой, исходя из которой мало что можно понять, кроме того, что речь идет о событиях имевших место на обширных территориях от Каспийского моря до Персидского залива¹³ (История Азербайджана 1997: 32-37). Обозначения карт демонстрируют стремление историков проводить четкие и понятные ученикам параллели с современным положением дел. Так следующая карта в том же учебнике обозначена как «Южный Азербайджан. Маннейское царство» (История Азербайджана 1997: 48). Это все еще визуальные образы в очень слабой форме привязанные к современному Азербайджану. Однако уже в учебнике того же периода, но для 7 класса, карта «Албанского Феодалного государства» представляет собой, хоть и весьма расширенный (включая Дербент, почти всю современную Армению и часть Грузии), но легко узнаваемый визиотип современного Азербайджана (История Азербайджана 1997: 12).

В этом же, узнаваемом для современного ученика визиотипе предстает и карта обозначенная, как «Азербайджан в раннем средневековье», но теперь это уже единая территория страны, включающая в себя и часть современного Ирана. С этого момента границы сконструированного «исторического Азербайджана» практически неизменны. Так на следующей карте «Феодалные государства на территории Азербайджана (IX – XII века)» все те же жесткие «исторические границы» отделяют внутреннее разнообразие ханств от внешнего мира (История Азербайджана 1997: 77). Следует отметить, что три последние карты составлены в соответствие с теми, которые были опубликованы в работе по

---

¹¹ Следует отметить, что такой легко узнаваемый маркер соседней Грузии, как город Тифлис, совр. Тбилиси, столица государства, в более поздних вариантах учебников уже не упоминается как часть территории «исторического Азербайджана». Говорится только о районе Борчалы, часть современной области Квемо Картли в Грузии, и сейчас компактно населенной азербайджанцами. Эту смену акцентов, можно попытаться объяснить тем, что отношения между властями обеих республик с каждым годом становятся все более теплыми. Грузия теперь важный региональный партнер. Через территорию этого государства проходит нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД), т. е. «нефтяная труба» чрезвычайно важная для всего региона, а не только для Азербайджана.

¹² По версии в советских учебниках эти племенные объединения возникли в конце 2 тыс. до н. э.

¹³ Эти два географических обозначения, озеро Урмия, а также реки Кура и Аракс, практически то небольшое на карте, что приводится из современной перспективы. Собственно, только исходя из них, можно попытаться понять, какой регион визуализируется на карте.

«Исторической географии Азербайджана», в 1987 году.

Принципы легитимации подобных визуальных образов «исторических родин», могут, естественно, иметь свою специфику в ситуациях разных версий национальных историй. Так, например, грузинские и азербайджанские историки, в том числе, нередко, и на страницах школьных учебников, привычно апеллируют к значительному по численности, компактно заселяющему северо-восток современной Турции и северо-запад Иранской республики лазским¹⁴ и азербайджанским этническим группам¹⁵. Принято считать, что это части несправедливо разделенного прежде политически единого азербайджанского или грузинского народа / «исторической родины». При этом, само присутствие на территории современных Турции и Ирана значительных по численности грузинского и азербайджанского меньшинств служит неоспоримым доказательством, как это видится из современной перспективы, трагедии разделенных народов. Армянские специалисты, в отличие от азербайджанских и грузинских коллег по цеху, не могут сослаться в учебниках, упоминая часть территории Турции, как «Западную Армению», на присутствие на этих территориях значительного армянского меньшинства. Поэтому в данном случае историки больше апеллируют к истории армян на территории Анатолии¹⁶, которая практически завершилась, после трагических событий 1915 года, или к карабахской армянской общине¹⁷.

Однако, описанная здесь в самых общих чертах специфика легитимации «исторических границ» не отрицает общих принципов конструирования этно-исторических мифов о «родине». Это всегда линейное, повествование о неизменных в тысячелетиях границах «исторической родины», которая в силу форсмажорных обстоятельств оказалась разделенной «несправедливыми» политическими границами. При этом, само разделение «исторической территории» часто не мешает воспроизводству в учебниках практически неизменного в веках логотипа карты «исторической родины».

Политические границы «исторической родины» предстают неизменными в веках, вплоть до XIX (вмешательство Российской империи в дела Азербайджана) или даже XX (события в Анатолии) веков, когда в силу форс-мажорных обстоятельств, как считают историки, большая часть территории была утрачена. Однако, сам факт утраты не становится условием прекращения истории территории, ассоциируемой с определенной нацией. Этим подразумевается, что современные политические границы, не отражают «историческую реальность», которая и определяет ситуацию «всегда» и сегодня. Из этой перспективы, северо-восток Турции неизменно остается «Западной Арменией» или «Южной Грузией», а северо-запад Ирана – «Южным Азербайджаном». И именно этот контекст отражают карты «исторической родины».

В случае с последней версией учебников по истории Азербайджана текст предназначенный для первого года обучения и озаглавленный как «Отечество», представляет собой уже нечто по форме и слогу напоминающее гимн, посвященный нации. Прежде всего, авторы, в соответствии с современными целями национализма, подчеркивают, что судьба народа, не имеющего своего государства, состоит в неизбежном растворении среди других народов. Однако, древняя традиция государственности, предоставляет им повод для оптимизма, и авторы отмечают, что «...мой народ живет тысячи лет и будет жить, пока стоит

---

¹⁴О лазах и Лазике см.: (Еремеев 1971: 50-51, 215-218).

¹⁵Об азербайджанцах на территории «Южного Азербайджана», т. е. современного северо-западного Ирана см.: (Swientochowski 1995) и (Shaffer 2002).

¹⁶ Т. е. на северо-востоке азиатской части современной Турции, или, вначале XX века, части территории Османской империи. Армяне до 1915 года компактно населяли 6 восточных провинций (вилайетов) Анатолии.

¹⁷ Территория части Турции, где до начала XX века компактно проживали армяне, традиционно обозначается в армянской историографии, как «Западная Армения». Что же касается Карабаха, эту территорию так же, как и северо-восток современной Турции, принято считать частью «исторической родины» армян - «Великой Армении», о которой говорилось выше. Все эти конструкты присутствуют, естественно, и в армянских учебниках. См. например: (История армянского народа. Учебник для 7-8 классов средней школы 1981: 171-173); (История армянского народа: С древнейших времен до наших дней 1980: 264-268); (История армянского народа. Учебник для 9-10 классов средней школы 1990: 34-41); (Хачикян 2004: 118-120).

этот мир! Потому что Азербайджан – это страна древнейших государств в мире» (Махмудлу и др. 2003: 6). Пространство «родины» в своем историко-политическом измерении включает в себя продолжительный по времени ряд государственных образований, таких как Манна (с IX века до н. э.), Мидия – Атропатена, Албания и др., политические границы которых «...берегли неприкосновенность нашей Родины, охраняли наш народ – и это было всегда!» (там же).

«Историческая территория» Азербайджана, также как Армении или Грузии, практически в любом из современных описаний, производящихся «национальными» историками этих республик, представляется гораздо обширнее современной, и простирается за границы не только Ирана, но и других соседних по региону государственных образований. Совершенно естественно, что новый взгляд на «исторические территории» нашел свое применение и на страницах учебника для 5-го класса. «Мой Азербайджан с давних времен и до сегодняшних дней был большим и могущественным государством. ...Дербентская крепость, названная нашими предками **«Железные ворота»** была на территории нашей родины. От **Дербента вдоль Каспия и до Казвина, Хамадана** простираются земли нашей Отчизны. На западе - **Ширак дюзю, древний Борчалы, Дилижан, Гейче, Иреван, Нахчыван** – были нерушимыми пределами нашей Родины» (там же: 10). Таким образом, по мнению авторов, исторически этнополитические границы простираются в пределы, практически всех соседних государств (РФ, Ирана, Грузии и Армении). Эффект «нашей территории» достигается через нередко подчеркнутое приписывание топонимов перечисляемых местностей к тюркским. Этот принцип, национализации топонимики «исторических территорий» является, видимо, распространенной нормой при производстве данных конструкторов¹⁸.

Наряду с национализацией топонимики применяется способ переноса современного хоронима на государственные образования, прежде существовавшие в границах «исторических территорий». Например, Армения, ретроспективно предстает в учебниках, фактически, в образе национального государства и в пространстве, например, Османской империи, когда данное государственное образование уже долгое время не существовало¹⁹. Несколько иным образом производится приписывание политических образований к современному конструктору исторического Азербайджана. Так, древне-азербайджанским становится государства Манна и «Атропатена – Азербайджан», располагавшиеся на территории современного северного Ирана.

Усиление эффекта ретроспективного переноса хоронима, достигается в учебнике для 6-го класса, когда ученики узнают, что уже не территория государства Манна, а собственно Азербайджан, входил в состав Мидийской и Ахеменидской империй, т. е. в состав тех государств, существование которых отделяет государство Манну (IX – VIII вв. до н. э.) от государства Атропатена (конец IV в. до н. э.). Вхождение в состав двух империй, как и в случае с Арменией и Османской империей, становится тем периодом истории, в котором границы автохтонной «нации - государства» оставались неизменными, несмотря на утрату политической самостоятельности.

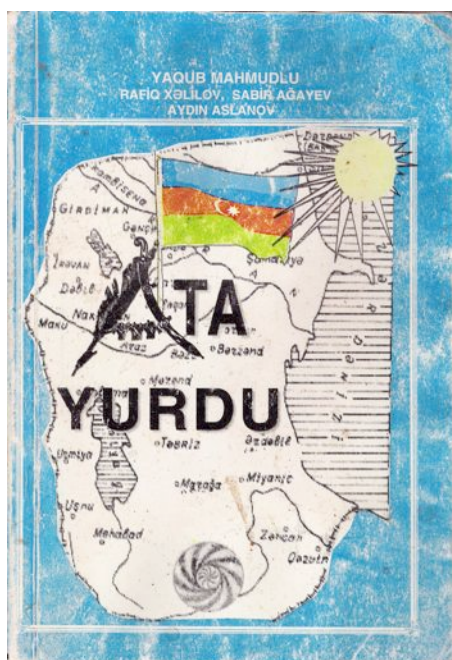
Теперь уже с первого года обучения истории в школах эти конструкторы сопровождаются и логотипом карты «исторического Азербайджана», расположенном сразу же на обложке учебника «Отечество»²⁰. Этот подход применялся уже в первой версии этого учебника (1990-е годы), но в более широком варианте. Все введение к курсу было вписано в контуры карты «исторического Азербайджана», которые воспроизводились на каждой

¹⁸Так, например, Тимоти Снайдер, исследуя историю «реконструкции» польской, украинской, литовской и белорусской наций, как одну из тем выделяет ситуацию со спорными территориями, которые были известны «под разными названиями, разным людям, в разные времена» (Snyder 2003: ix).

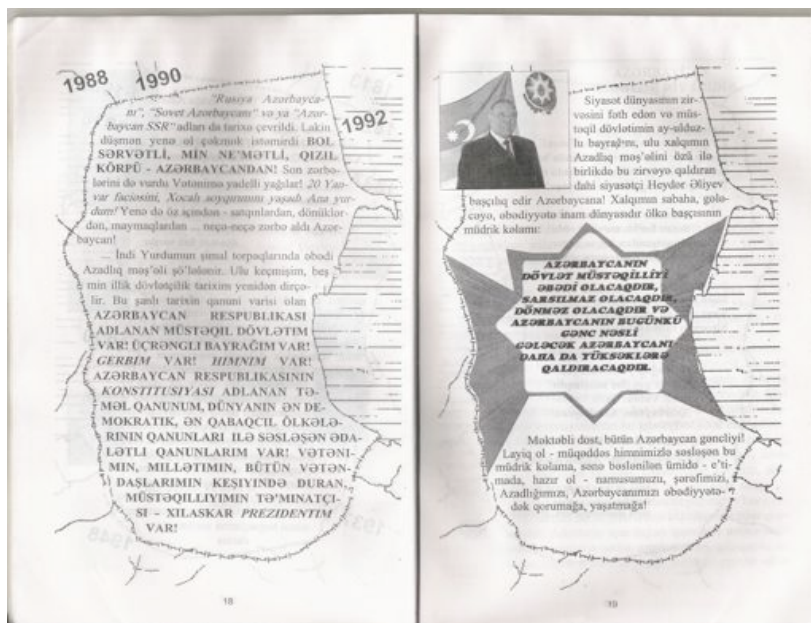
¹⁹ См. например: (История армянского народа. Учебник для 7-8 классов средней школы 1981,87-92).

²⁰Интересно то, что вариант обложки этого учебника начала 2000-х годов, содержит изображение «Деде Коркуда», главного героя средневекового героического эпоса тюрков огузов. Но при очередном повторном издании, это изображение было заменено на логотип «исторического Азербайджана», включающий в себя, по мысли авторов, часть Ирана, РФ, Армении и Грузии.

странице. Во второй версии авторы решили отказаться от подобного нововведения. При этом сам учебник (первая версия) был по содержанию намного меньшего объема и более низкого качества полиграфии.

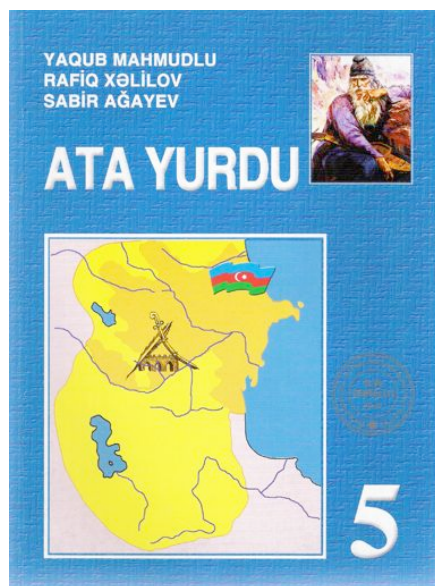
Первая версия учебника «Отечество» для 5 класса. Логотип «исторического Азербайджана» уже расположен на обложке учебника. Первый год преподавания «Истории Азербайджана»

Текст введения к курсу для 5 класса, вписанный в контуры «исторического Азербайджана»

Последняя версия этого учебника (первое издание 2000-ый год) содержит полный ряд визуальных образов «исторических территорий» азербайджанского народа с древности и до наших дней. Если на первой странице учебника можно увидеть атрибуты современного государства – герб, флаг, и текст гимна на фоне логотипа нынешнего Азербайджана, то в самом учебнике присутствуют уже карты «исторических земель». Первая карта – это «Государство Манна» – на которой изображена территория от центра современного Азербайджана и включающая в себя северо-западный Иран. Далее карты становятся все более конкретными. Вторая карта – это изображение «Государство Атропатена» –

современный визуальный образ «Южного Азербайджана» и третья карта – «Государство Албания» - от Дербента, озеро Гейча (арм. Севан) и Нахичевани, до на юге современного Ирана, т. е. расширенный вариант современного Северного Азербайджана.

Последняя версия учебника «Отечество» для 5 класса. Логотип «исторического Азербайджана» сопровождается стилизованным образом легендарного автора героического эпоса тюрков-огузов «Деде Коркуда»

Следующая карта демонстрирует представления «историков» о том, что в границах Арабского Халифата, Азербайджан трансформируется в единое политическое образование - «Азербайджан в составе Арабского халифата». Это визуальный образ территорий объединенных двух Азербайджанов: северного (Арран) и южного – собственно Азербайджан. Далее вслед за картой, отражающей ситуацию в XV веке (тюркские государства Агкоюнлу и Каракоюнлу), следует уже «Государство Сефевидов» - это карта империи, которая мыслится, как созданная азербайджанцами. За ней следует «Азербайджан во второй половине XVIII в.» - когда карта «исторических территорий» уже поделена на ханства, но эта разноцветная мозаика объединена границами воображаемого «национального очага» и предстает как, хоть внутренне и политически разнообразное, но в своих внешних границах единое целое. И, наконец, карты, отражающие ситуацию начала XVIII в. – «трагедию раздела» - «Азербайджан после Гюлистанского мира» и «Азербайджан после Туркманчайского договора». Таким образом, уже первый год обучения сопровождается полным рядом визуальных образов, отражающих современное представление об «исторических территориях» (Махмудлу и др. 2003: 28, 38, 42, 54, 116, 128, 144, 148)²¹. Эти

²¹Нужно отметить, что, несмотря на то, что этот ряд в основном выдерживается и в других учебниках, но некоторой разницей в представлениях историков о территориях легко наблюдать, сравнивая карты из разных учебников. Так, следующий год обучения, период древней истории, начинается с карты «Племена и племенные союзы в Азербайджане» - и это широкая территория «от моря до моря», т. е. от Черного и Средиземного морей, до Персидского залива и Каспийского моря. На этом широком пространстве без каких-либо четких границ обозначены различные племена, которые ассоциируются с предками современной нации. Например: «луллубии», «туруккии» и пр. (стр. 57). Карта «Маннейское государство» (стр. 68) к параграфу «Азербайджанское государство Манна», уже несколько иная. С северо-запада его границы омываются Черным морем («Отечество. V класс» только от озера Гейча (Севан), доходит до Средиземного моря и Персидского залива (в учебнике «Отечество», все более скромно). Далее карта «Атропатенское государство» (стр. 90), которое практически воспроизводит карту в учебнике «Отечество» и представляет собой образ четкого разделения Албании (Северный) и Атропатены (Южный Азербайджан). Карта «Албанское государство» (стр. 102) – это фактически современная карта Азербайджана, хотя в отличие от варианта в «Отечестве» в нее не входит озеро Гейча, которое только граничит с Албанией. Сами карты, например, Манна или Албания, во всех вариантах даются без указания конкретного периода. Можно предположить, что это варианты воображения

визуальные образы находят свое завершение и окончательное оформление в конструировании варианта линейного, непрерывного во времени «этногенеза» азербайджанского народа / нации в границах практически неизменной во времени «исторической родины».

«Великая Армения»

Некоторые сравнения и параллели с учебниками, которые создавались историками Армении, уже были приведены в тексте. Далее я только немного подробнее остановлюсь на специфике институционализация конструкта «исторических земель», которая происходила в разных версиях национальных историй конструировавшихся интеллектуалами трех Южно-Кавказских республик по-разному. Для относительно «не молодого» армянского национализма, процесс актуализации конструкта «исторических земель» имеет давние корни. «Из книги «История наших предков», изданной в Венеции армянами – бенедиктинцами, обосновавшимися там еще в 1717 году, ясно видно, что сохранение памяти о прошлом – это насущнейшая забота армян» (Ферро 1992: 178). Эта память о прошлом уже в советские годы конструировалась вокруг образа «Великой Армении» и личности царя Тиграна Великого. Компенсацию за последующую утрату государственности в век национализма, когда нация без территории перестала восприниматься всерьез, армянские историки (как и азербайджанские или грузинские) нашли в период наивысшей экспансии царя Тиграна.

Уже в первом учебнике для школ, увидевшем свет в Армянской ССР в 1944 году авторы отмечали, что «Историческая жизнь армянского народа тесно связана с Великой Арменией, которая целиком охватывала так называемое Армянское нагорье, расположенное в центральной части Передней Азии. Армянское нагорье простирается на севере до горных хребтов Малого Кавказа, на востоке до Иранского плоскогорья, на юге до Месопотамии, на западе до долины среднего течения реки Евфрат и до Понтийского хребта. Историческая Армения в политическом отношении делится на две части: Великую Армению и Малую Армению. Границы армянского государства временами выходили за пределы Великой Армении, и, расширяясь, достигали морей Черного, Каспийского и Средиземного, как это было при Тигране II Великом, или, сужаясь, включали только территорию Армянского нагорья, а иногда даже центральную часть страны» (История Армянского народа 1944, 8-9).

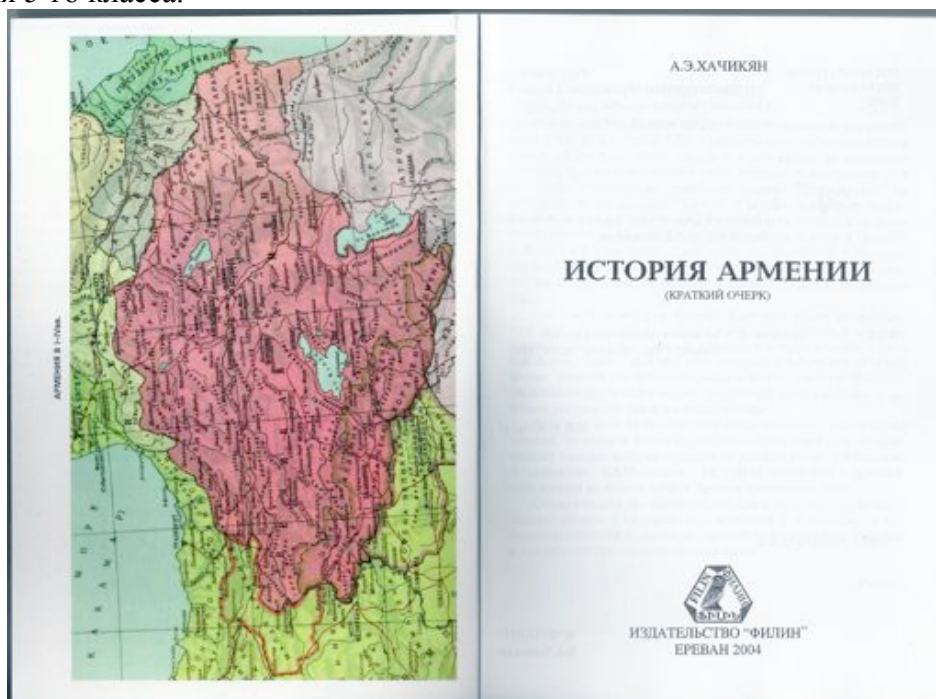
Это очень осторожное описание вариативности границ в то же время предполагает неизменное существование в течении тысячелетий армянской государственности. Армянское нагорье становится тем географическим пространством, которое репрезентирует этнополитический миф о «естественных границах» нации. Границы политические и культурные предстают в этом контексте такими же неизменными, как и границы географические. Таким образом, карта этого государства заняла свое место в школьных учебниках по истории Армении уже довольно давно, а точнее со времени публикации первого учебника для средней школы в 1944 году. Эта карта нередко, сопровождалась (являясь ее важной составной частью) весьма конкретным описанием границ и территорий «исторической Армении», которая воображалась неизменной с момента возникновения до дней, современных для пишущего историка²².

максимального расцвета этих государств. Остается только догадываться, почему карты от учебника к учебнику меняются. Однако более важно то, что эти дифференцированные образы указывают на то, что разработка непротиворечивого логотипа «исторических земель» все еще находится в стадии развития (Алиев, Юсифов, Бабаев, Джафаров, Мамедова 2003).

²²Так, например, этот первый советский учебник по истории Армении, содержит тот набор карт, который оставался впоследствии фактически неизменным, наглядно визуализируя древность «родины» армянского народа и ее сопричастность великим культурам, прежде всего – Урарту, см. [История Армянского народа 1944]. Карты-вкладыши - "Армянское нагорье" между стр. 4 и 5; "Государство Урарту", стр. 26, 27; "Армения при Тигране II", стр. 48, 49; "Армения при Аршакидах", стр. 62, 63; "Армения при Багратидах", стр. 136, 137; "Киликийское Армянское царство", стр. 180, 181; "Армения в 15-18 вв.", стр. 218, 219. Конечно, были и

Здесь следует понимать, что хотя армянские историки с большой теплотой вспоминают период экспансии Тиграна Великого, когда он, как и многие другие правители до и после него, создал свою недолговечную империю, однако, «национальный очаг» ассоциируется именно с идеей «Великой Армении». Эта территория населяется только этническими армянами, и именно логотип «Великой Армении» в первую очередь сопровождает учебники. Так, например, в одном из учебников составленном для преподавания в диаспоре историком Хачикяном, первым визуальным образом, который появляется в учебнике на развороте обложки, становится хорошо узнаваемый логотип «Великой Армении», страны от «моря до моря». Никаких других карт в учебнике больше не приводится. В результате ученики должны ассоциировать «истинные национальные территории» именно с идеей Армении от моря до моря. И, в целом, именно эту версию репрезентации «исторических территорий» приняли и азербайджанские историки, которые «усовершенствовали» ее и вынесли логотип «Великого Азербайджана» сразу же на обложку учебника для 5-го класса.

Карта «Великой Армении» предшествует на развороте обложке всему курсу по истории для армян в диаспоре

Активное использование карт «исторических территорий» армянскими и азербайджанскими историками, обслуживающими конфликт, направленно на поддержку реваншистских настроений в обоих обществах и поддержание высокой степени готовности населения к мобилизации, в случае нового витка противостояния. Попытка военным путем восстановить хоть и небольшую часть воображаемых «исторических территорий» привела к перманентному противостоянию Армении и Азербайджана в течение всего постсоветского периода. В контексте конфликта территория Нагорного Карабаха (НК) и оккупированные вокруг него районы Азербайджана воспринимаются, как «исторические территории» Армении, которые были вновь «возвращены» силой оружия. Можно предположить, что в числе прочего, подобные идеи укрепляются в сознании молодых жителей Армении именно в контексте знаний приобретаемых в средних школах страны. В настоящий момент «НК воспринимается армянами как чисто армянская территория, освобожденная от Азербайджана. Молодое поколение, которое подрастает в НК и в Армении, не знает другого

отступления от подобного варианта учебного пособия и, например, в другом учебнике 1951 года нет ни одной карты. Но текст отсылает к тем же «естественным границам», т. е. к Армянскому нагорью (История Армянского народа 1951: 3).

НК и слышит постоянные высказывания о том, что семь оккупированных азербайджанских территорий на самом деле - «освобожденные территории», которые ни в коем случае нельзя отдавать» (Ваал 2008: 2).

«Борьба за Воссоединение Грузии»

Если в случае с армянской версией «исторических земель» эффект в большей степени достигается довольно длительной традицией преподавания истории в школах с использованием логотипа исторических земель («Великой Армении»), то в постсоветских учебниках по истории Грузии главный эффект достигается при помощи современных методик разработки учебников. Впрочем, нужно сказать, что те версии учебников, которые создавались в 1990-е годы своим довольно низким качеством заметно отличаются от подготовленных в 2000-е. Идея утраченных «исторических земель» в 1990-е годы хоть и визуализировалась с помощью карт, но графика часто такого низкого качества, что разглядеть что-либо на них практически невозможно. Впрочем, тексты 1990-х годов вполне конкретно, как и в азербайджанских учебниках, рассказывают об «исторических землях», ныне перешедших к соседям.

«На востоке же граница Кахети часто изменялась. Районы Белакани, Закаталы и Кахи²³, находящиеся сегодня в пределах Азербайджанской республики, являлись неотъемлемой частью Кахети, но во времена лихолетья XII-XVIII вв. здесь поселились дагестанские горцы, и этот исконно грузинский край (позже «Саингило») был отторгнут от Грузии» (История Грузии 1998: 8). Текст переполнен географическими обозначениями, что может затруднить ученику ясное представление о территориях. Однако уже эта версия истории построена на идее долгой борьбы за «воссоединение Грузии». Здесь можно увидеть прямые аналогии с историей России, когда феодальное разделение рассматривалось как не норма, а цари, собиратели земель становились почти национальными героями. Естественно, что начало «золотого периода» связывается со временем правления царя Давида IV Строителя (Агмашенебели, 1089-1125). Это исключительно положительный образ царя освободителя. «Давид стал царем большого и сильного государства, границы которого раскинулись «от Никопсии (около современного Туапсе) до границы Дарубанда (Дербент) и от Овсети (Северная Осетия) до Арагаца (Армения)». Историк Давида повествует нам о том, что у царя были большие планы, но 24 января 1125 года царь Давид умер» (там же: 113).

Эта версия «исторической территории» Грузии представлена в учебнике, как естественный результат объединения грузинских земель. «В период царствования Давида завершился длительный исторический процесс объединения грузинских земель и была создана единая, могучая грузинская феодальная монархия» (там же: 113). Наконец, военные походы в период правления царицы Тамар (1184-1209/1213), т. е. время максимального расширения политического влияния династии Багратионов, становятся бескомпромиссным продолжением освободительной (в основном против «турок») борьбы грузин не только за их собственное счастье и благополучие, но и за благополучие соседей христиан. «Тяжелая борьба с турецкими захватчиками завершилась победой Грузии. Обретя мир, Грузия вместе с окружающими ее христианскими народами Кавказа стала на путь хозяйственно-культурного подъема» (там же: 121). Итак, «правильная Грузия» - это единая и могучая страна. Каковой ныне, в результате грузино-абхазского и грузино-юго-осетинского конфликтов Грузия уже не является. Идея объединения земель и «восстановления границ» становится вновь актуальной в ситуации последних по времени конфликтов. Идеальными правителями становятся не те, кто завоевал «чужие земли», а те, кто вернул и объединил «наши истинные национальные территории».

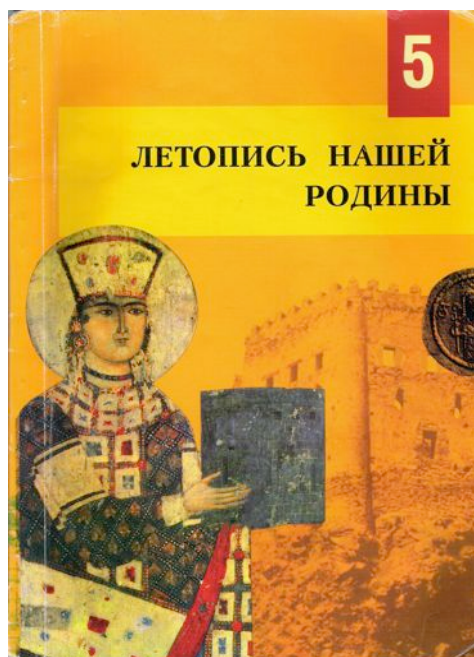
²³ Здесь можно видеть тот же подход национализации топонимики, обозначения приводятся с окончаниями как это принято в грузинском языке.

Версия «исторической Грузии», представленная в учебнике для X класса (2004 год)

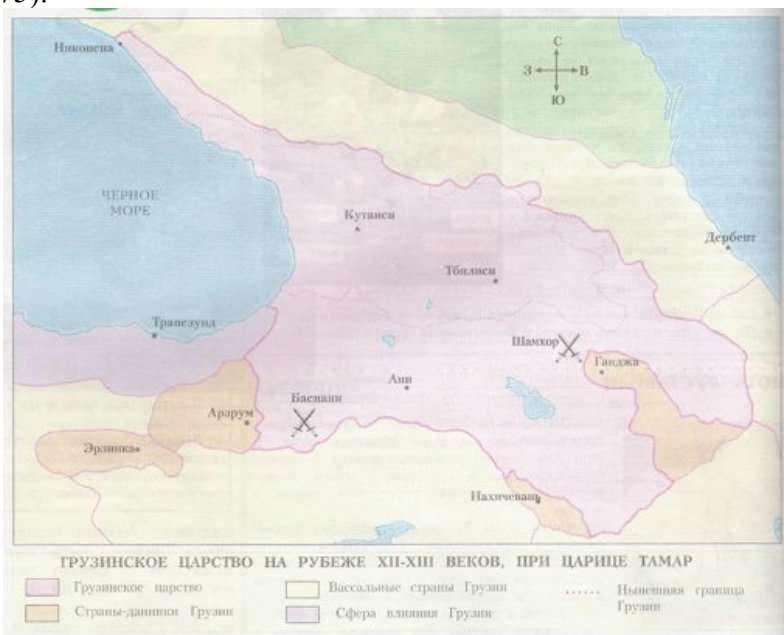
Уже новая версия учебников, фактически, воспроизводит ту же идею, но в гораздо более осторожной форме, которая, впрочем, на мой взгляд, может быть куда более действенной. Эта версия внешне непротиворечива и постоянно подталкивает ученика к размышлениям и сравнениям современного и «исторического» положения дел. И именно карта становится важным инструментом воспитания представлений об «исторических территориях» грузин. В учебнике для первого года обучения национальной истории («Летопись нашей родины», 5 класс) ученику постоянно предлагается самому сравнить территорию Грузии того или иного периода с нынешним положением дел. При этом, уже со времен «первого царя Картли» Парнаваза («Сравните границы Грузии времен Парнаваза с нынешней границей Грузии» (Метреведи Кудавა 2004: 17) эта территория выгодно отличается от современной своими размерами.

Учебник для первого года обучения по истории Грузии - «Летопись нашей Родины», 5 класс, 2004 год.

Усиление эффекта достигается через разные способы обозначения границ. Так, границы на карте – логотипе при том или ином царе отделяются яркой красной линией от, по словам Андерсона, «их географического контекста» (Anderson 1998: 175). Территория современной Грузии («Сравните между собой границы Грузии времен похода Помпея и Парсмана (очередной правитель уже II века н. э.)» (Метреведи Кудавя 2004: 20) практически на всех картах вписывается в пространство «исторических границ» при том или ином царе красным пунктиром. Важнейшей заслугой того или иного царя, по версии авторов, становится все то же расширение пределов государства грузин. Эти расширения происходили, естественно, не в ситуации захватнических войн, а в постоянной и неутомимой борьбе целой плеяды выдающихся правителей с «вражескими нашествиями», в результате которой земли заселенные грузинами были, наконец, объединены в единое государство.

Описание процесса «усиления Грузии» при Давиде Строителе сопровождается, естественно, и весьма впечатляющей картой «Грузинского царства в XI веке, в конце царствования Давида Агмашенебели». «Грузинское царство» становится полностью «единым», простирающимся от Черного до Каспийского морей. Современные границы пунктиром - это уже не больше половины всей территории. В результате подобного, по мнению авторов, «возрождения страны» в ее состав были включены нынешние территории Азербайджана, Армении, Турции, Ирана и РФ, а значительная часть северного Кавказа превратилась в вассалов. Подобные аппетиты царей не подвергаются какой-либо критике. И сын Давида, «Деметре стал бороться за расширение границ царства» и внук «Георгий постоянно вел завоевательные войны, чтобы расширить свое царство» (Метреведи, Кудавя 2004: 58, 59). И, по словам Андерсона, «Через хронологически организованную последовательность» карт, отображающих территории присоединенные очередным успешным правителем, конструируется «вариант политико-биографического повествования о царстве начинающем существовать, временами со значительной исторической глубины» (Anderson 1998: 175).

Карта, призывающая ученика школы поразмыслить о разнице в границах «исторической Грузии» и нынешних. «Нынешняя граница Грузии» вписана пунктиром из красных точек в пространство «Великой Грузии». «Летопись нашей Родины, 5 класс».

Наконец, авторы подходят к описанию главного логотипа «исторической Грузии», который установился при царице Тамар. «Достоинно продолжая дело своих предков, она приступила к укреплению мощи и влияния Грузии. Границы Грузинского государства еще больше расширились. Грузины давали отпор всем завоевателям и сами перешли в наступление. В результате они захватили огромную часть территории Турции и

присоединили большую часть Армении. За всю историю Грузии в эпоху царствования Тамар Грузинское государство было самым сильным и могущественным. Его территория дважды превышала территорию современной нам Грузии» (Метреведи, Кудавя 2004: 60). Таким образом, «завоевательные войны царей» и расширение границ – это ответ «всем завоевателям». Нынешняя граница Грузии, вписанная в карту страны при царице Тамар уже только незначительная ее часть, а вассальные территории просто не вмещаются в пространство, отведенное в учебнике для логотипа (Метреведи, Кудавя 2004: 60). Затем почти всегда был только упадок, который сопровождался утратой независимости в момент завоевания Грузии Российской империей.

Уже в недолгие годы независимости (1918-1921) Грузия вновь обрела границы шире современных. На карте обозначены теперь уже «Территории, отторгнутые от Грузии после 1921 года». Эта последняя утрата территорий становится результатом очередного вероломного удара России и в завершении курса авторы предлагают ученику в виде рефлексии на карту современной Грузии ответить на вопрос «Что изменилось после завоевания Грузии Россией?». Сопровождающие большинство разделов многочисленные карты позволяют легко ответить на этот вопрос, не отвлекаясь на подробное усвоение текста. Ученик может сам сделать «правильный» выбор «правильного» варианта Грузии, тем более, что предпоследняя карта отражает, по мысли авторов, не территорию Грузии, а только ту ее часть, которая «принадлежит Грузии и в настоящее время» (Метреведи, Кудавя 2004: 98, 100). Последняя карта современной Грузии сопровождается многозначительным утверждением о том, что «В нашей стране много нерешенных проблем. Главная из них – возвращение утерянных территорий» (Метреведи, Кудавя 2004: 102).

Спонсоры проекта

Здесь нужно еще раз подчеркнуть, что описанные варианты визуальных образов «исторических земель» и сопровождающие их тексты, стали наиболее активно использоваться в учебниках в период независимости стран Южного Кавказа. Республики Южного Кавказа, в качестве национальных государств, становятся главными спонсорами проекта реконструкции истории²⁴. При этом само существование двух взаимно дополняющих друг друга пространств нации (современное государство – нынешнее положение дел, и воображаемые «исторические территории» - конструирование прошлого) позволяет видеть «историческую родину» неизменной во времени. В контексте преподавания истории приоритет имеют не современные политические границы, а современные конструкты историков о границах. Но вместе с тем само существование в современности независимой национальной территории, визуализированной в логотипе карты – государства, в пространстве которого «мы в своем праве» производить дискурс об «автохтонных землях», является необходимым условием конструирования «наших» версий исторического прошлого. Воображаемая география границ становится возможной благодаря признанной современным мировым сообществом географии политической, в пространстве которой власть государственная производит власть номинации, а та, в свою очередь, конструирует «исторические территории». Таким образом, современное независимое национальное государство становится необходимым спонсором реконструкции национальной истории и образов «исторической родины».

«Национальная / автохтонная территория» обретает под властью номинации, четкие и «справедливые» этно–исторические границы. Однако территориальные претензии актуализируются не во всех аспектах мифа об «исторических территориях». Современный конфликт с Арменией, оккупировавшей значительную часть территории Азербайджана и за пределами Карабаха, позволяет не церемониться с «соседом – врагом», и пространство этой республики уже уверенно обозначается как «Западный Азербайджан». Последний конструкт

---

²⁴На ситуацию значимости национального государства на развитие картографии указывает Дж. Б. Харлей, который отмечает, что «Государство стало, и все еще остается, главным покровителем картографической деятельности во многих странах» (Harley 2001: 59).

демонстрирует то, как в свете новых по времени событий, производится ретроспективная ревизия всего мифа об «этногенезе», в контексте которого географические пространства предстают этнически маркированными. Вместе с тем, весьма весомый в национальной историографии конструкт «Южного Азербайджана» (собственно исторический Азербайджан, северо-западная провинция Ирана), хоть и всегда актуален, но жесткой артикуляции территориальных претензий здесь не происходит. Как и в случае с оставшемся в границах России Дербентом, или районами Грузии, компактно заселенными азербайджанцами.

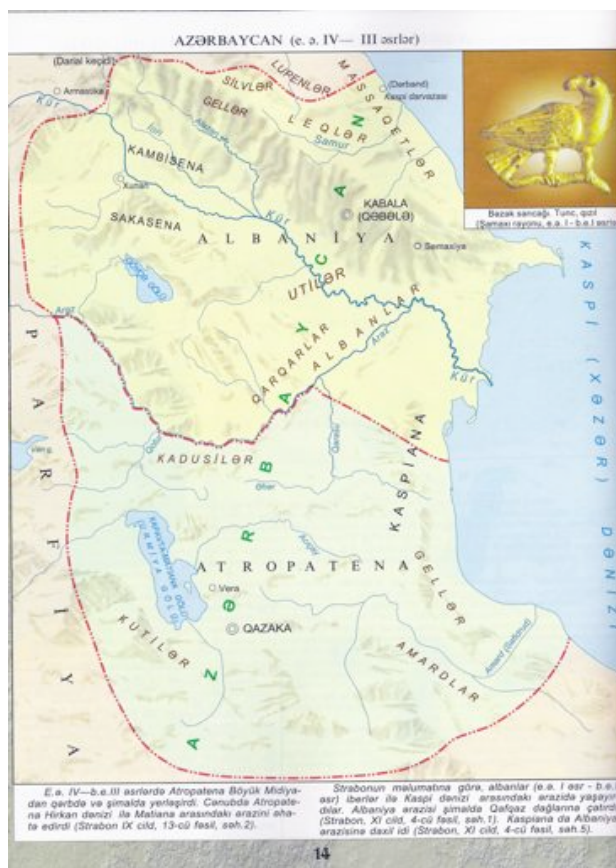
Можно предположить, что подобное выстраивание акцентов связано с тем, что в случае с армяно-азербайджанским конфликтом миф демонстрирует свою актуальную составляющую, как возможный «посыл» к действию – территориальные утраты в войне с Арменией становятся причиной мобилизации с целью восстановления границ де юре. Достигнутое в 1994 перемирие не привело к мирному урегулированию. Еще одна война, по крайней мере, для историков, работающих на этническую мобилизацию, представляется вполне вероятной. Однако, вступать в современных условиях в конфликт за территории с Россией или Ираном, не представляется возможным. В данном случае миф скорее актуален как конструкт блестящего прошлого, которое позволяет повысить самоуважение коллективного «я» в настоящем. Однако, подобный миф может быстро актуализироваться в случае если возникнет конфликтная ситуация.

Таким образом, описанная ситуация, когда историки Азербайджана, Армении или Грузии в определенной степени могут ощущать свою независимость (в пространстве «нашего» национального государства «мы» в своем праве) при конструировании «автохтонных границ» и других этнических мифов, подразумевает как идею производства блестящего прошлого, так и решение вполне современных задач. Например, как в случае с Азербайджаном и Грузией, восстановления официальных (де-юре) границ республик.

При этом, какую бы функцию не исполняли мифы об «исторических землях» основной их посыл в том, что нынешние политические границы несправедливы. В школе же детям прививают идею о том, что всегда побеждает «добро» или тот, «кто прав». Поэтому, в любом случае подобные идеи предполагают, что подобная «несправедливость» может и должна быть когда-нибудь преодолена. Причем такого рода идеология нередко высказывается и открытым текстом. Так, например, уже студентам ВУЗов в Азербайджане предлагают такую версию положения дел: «Восстановившие в последнем десятилетии двадцатого столетия свою государственную независимость азербайджанцы пишут новую страницу истории в жизни человечества во все периоды. Территория Азербайджанской Республики 86,6 кв. км, из которых до 20 процентов под вражеской пятой, а было время, когда сыны Родины создали государство в миллионы квадратных километров. Просуществовавшая 23 месяца Азербайджанская Демократическая Республика, свергнутая большевистско - русскими штыками имела территорию более 114 тыс. кв. км. Во время советского оккупационного режима эти земли «таяли» день от дня, отдаваясь кусками недоброжелательным соседям. Не имеющая возможность найти столицу, созданная на плодородных землях Азербайджана в 1918 году, имевшая территорию менее 10 тыс. кв. км современная Армянская республика при поддержке русских расширила свои границы за счет наших земель в 3 раза. Но мы уверены, что носитель одного из двадцати языков, на которых говорит 90% населения Земли, живущий на территории в 250 тыс. кв. км. от Дербента до Нахчывана, от Борчалы (совр. Грузия – часть области Квемо Картли – С. Р.) до Зенджана (совр. Иран, Р. С.), от Каспия до Гейчая (совр. оз. Севан – Армения – С. Р.) почти 50-ти миллионный азербайджанский народ как всегда очистит свою землю от вражеской пяты, поднимет ввысь наш трехцветный с полумесяцем и звездой флаг, займет свое достойное

место в ряду народов цивилизованного мира и принесет в процесс развития человечества свои новые дары» (Мамедов 2005, 3)²⁵.

Подобные тексты с 2007 года визуально воплощены еще и в Историческом Атласе Азербайджана. О «долгожданном» издании Атласа в СМИ писали как об очередном, и, на сей раз, крайне важном, успехе «наших» историков. В Атласе отражены все те конструкты, которые были описаны выше.

Одна из типичных версий карты «исторического Азербайджана» (в данном случае это IV-III века до н. э.) представленных в Историческом Атласе, разработанном специалистами института Истории Академии наук Азербайджана. Опубликовано в 2007 году

Смена акцентов

В заключении следует заметить, что относительно быстрое по времени производство данных нарративов и визуальных образов можно объяснить тем, что полного разрыва с прежней традицией советской историографии не происходило. Идеологические образы врага и в советские годы прививали способность видеть мир в красно-черных тонах «мы» и «они». И здесь произошла только быстрая смена акцентов с классового на этнический.

Конструкты блестящего прошлого и максимально широких «исторических территорий» также во многом производились и поддерживались еще в советском прошлом. Стремление рассматривать ту или иную лингвистическую группу, как автохтонную («титутельная нация») и установка на игнорирование истории миграций, истории кочевников не раз изменявших состав населения региона, длительных периодов совместного проживания

²⁵Этот посыл студентам ВУЗов вновь не сопровождается картами. Но это, в любом случае, уже те студенты, которые имели возможность познакомиться с визуальными образами «исторических территорий» на уроках истории в школах. Кроме того, теперь уже у историков есть и исторический атлас Азербайджана.

и пр. сопровождали установку разделения географического пространства СССР на «исконные» национальные очаги.

В годы независимости, т. е. с 1991 года, произошла только смена акцентов, сопровождавшаяся еще более быстрым и тотальным укреплением доминанты национального при производстве этнических мифов. Все, казавшиеся прежде спорными вопросы, например, относящиеся к границам государств или лингвистическому прошлому региона теперь легко решаются низведением работы историка на уровень квазиисториографии. Именно эти тенденции и характеризуют, например, школьные учебники по национальной истории Азербайджана. Впрочем, само это низведение также не противоречит утверждавшемуся в советские годы принципу конструирования непрерывного по времени, линейного «этногенеза» того или иного этнического сообщества.

Современные этно-исторические мифы – это не доведенное до абсурда воображение национальных историков, а скорее логическое продолжение привычных установок позитивистской историографии, уютно прижившихся в пространстве национальной науки спонсируемой властью. Так же, как и в годы СССР, в период независимости государство привычно поддерживает власть номинации лояльных историков – профессионалов.

Источники исследования:

Агаян, Ц., Арутюнян, Ш., Мнацаканян, А., *История армянского народа. Учебник для 9-10 классов средней школы*, Ереван: «ЛУЙС», 1990

Алиев, В., Юсифов, Ю., Бабаев, И., Джафаров, И., Мамедова, А., *История Азербайджана. Учебник для 6 класса*, Баку: «Тахсил», 2003

Аракелян, Б., Ионнисян, А., ред.: *История Армянского народа. Учебник*, Ереван: Айпетрат, 1951

Аракелян, Б., Агаян, Ц., Парсамян, В., *История армянского народа. Учебник для 7-8 классов средней школы (пробный)*, Ереван: «ЛУЙС», 1981

Асатиани, Н., Лорткипанидзе, М., *История Грузии. Учебник для VIII класса русской школы. Второе издание*, Тбилиси: «Ганатлеба», 1998

Бунятов, Зия, ред.: *Историческая география Азербайджана*, Баку: Элм, 1987

Гусейнов, И., Ибрагимов, З., Гулиев, А., Токаржевский, Е., Шарифли, М., Эфендиев, М., *История Азербайджана в 3 томах. Том 1*, Баку: Издательство Академии Наук Азербайджанской ССР, 1958

История Азербайджана. Краткий очерк (с древнейших времен до XIX века), Подготовлен коллективом научных работников Института истории АзФАН, Баку: Издательство АзФАН, 1941

История Азербайджана. Макет, Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Академии Наук Азербайджанской ССР, Баку: Институт Истории и Философии. Издательство Академии Наук Азербайджанской ССР, 1954

История Азербайджанской ССР для 8-9 классов, Учебник подготовлен коллективом научных сотрудников института Истории, Археологии и Этнографии азербайджанского филиала Академии Наук СССР, Баку: Издание Азербайджанского филиала Академии Наук Азербайджанской ССР, 1939

Кафадарян, Н., Нерсисян, М., *История Армянского народа. Пособие для средней школы*, Ереван: Айпетрат, 1944

Мамедов, И., *История Азербайджана (Учебник для ВУЗов)*, Баку: Адилоглу, 2005 (на азербайджанском языке).

Махмудов, Я., Юсифов, Ю., Алиев, Р., *История Азербайджана. Учебник для 7 класса*, Баку: «Маариф», 1997

Махмудлу, Я., Халилов, Р., Агаев, С., *Отечество. Учебник для V класса. Третье издание*. Баку: Маариф, 2003

Гулиев, А., *История Азербайджана 7-8 класс*, Баку: Маариф, 1983

Метребели, Роин, Кудава, Буба, *Летопись нашей Родины. Учебник для V класса*, Тбилиси: Артаниджи, 2004

Нерсисян, М., ред.: *История армянского народа: С древнейших времен до наших дней*, Ереван: Изд. Ереванского университета, 1980

Сумбатзаде, А., Ибрагимов, З., Гусейнов, И., *История Азербайджана. Учебное пособие для средней школы*, Баку: Азербайджанское Государственное издательство Учебно-педагогической литературы, 1960

Хачикян, А., *История Армении (краткий очерк). Учебное пособие для общеобразовательных учреждений армянской диаспоры*, Ереван: «ФИЛИН», 2004

Юсифов, Ю., Бабаев, И., Джафаров, Г., *История Азербайджана. Учебник для 6 класса*, Баку: «Маариф», 1997

Библиография:

Anderson, Benedict, *Imagined Communities*, London New York: Verso, 1998

Harley, J. B., *The New Nature of Maps. Essays in the History of Cartography*, Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2001

Monmonier, Mark, *How to Lie with Maps*, Chicago and London: The University of Chicago Press, 1996

Shaffer, B., *Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity*, Harvard: The MIT Press, 2002

Snyder, T., *The Reconstruction of Nation: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus 1599-1999*, New Haven and London: Yale University Press, 2003

Suny, Ronald G., *The Revenge of the Past. Nationalism, revolution and the Collapse of the Soviet Union*, Stanford, California: Stanford University Press, 1993

Swientochowski, T., *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition*, New-York: Columbia University Press, 1995

Wigen, K., "Cartographies of connection: Ocean Maps as Metaphors for Inter-Area History," in: Hanna Schissler and Yasemin Nuhogul Soysal, ed., *The nation, Europe and the world: textbooks and curricula in transition*: New-York, Oxford: Berghahn Books 2005, 211-227

Баберовски, Йорг, «Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство, 1917-1953,» в: *Ab Imperio 1* (2006): 177-196

Бурдые, Пьер, *Социология политики*, Москва: Socio-Logos, 1993

Ваал де, Томас, Карабахская западня: Угрозы и дилеммы нагорно-карабахского конфликта, в: *Conciliations Resources* (2008): 1-15. Адрес в Интернет: <http://www.c-r.org/our-work/caucasus/documents/NagornyKarabakhReportRuss02.pdf>

Геллнер, Эрнст, *Нации и национализм*, Москва: «Прогресс», 1991

Еремеев, Д., *Этногенез турок: (Происхождение и основные этапы этнической истории)*, Москва: Наука, 1971

Карагезов, Р., *Метаморфозы коллективной памяти в России и на Центральном Кавказе*, Баку: «Нурлан», 2005

Мартин, Т., «Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма?», в: *Ab Imperio 2* (2002): 55-87

Тишков, Валерий, *Реквием по этносу: исследования по социально – культурной антропологии*, Москва: Наука, 2003

Томпсон, Пол, *Голос прошлого. Устная история*, Москва: Весь Мир, 2003

Хобсбаум, Эрик, *Нации и национализм после 1780 г.*, Санкт-Петербург: «Алетейя», 1998

Ферро, Марк, *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*, Москва: Высшая школа, 1992

Шнирельман, Виктор, «Ценность прошлого,» в: Олкотт, М., и Малашенко, А., ред., *Реальность этнических мифов*, Москва: Московский Центр Карнеги, 2000, 12-33